

Ч. У. Ледбитер

МОНАДА

Информация, приводящаяся в теософической литературе на тему монады, скупа, и это неизбежно. Мы не находимся сейчас в таком положении, чтобы значительно её расширить, но изложение этой темы, как мы понимаем её сейчас, может избавить изучающих от некоторых неясностей и непонимания, которые часто проявляются в присланных нам вопросах.

Заблуждения по этому вопросу неизбежны, поскольку мы пытаемся понять физическим мозгом то, что не может быть выражено в понятиях, ему доступных. Монада обитает на втором плане в нашей системе планов, который иногда называют паранирваническим или анупадака. Для столь высокого уровня нелегко составить какое-то определённое представление, связанное со словом «план» или «мир», поскольку всякая попытка даже символически показать соотношение планов и миров одного к другому требует громадных усилий воображения в направлении, совершенно нам незнакомом.

Позвольте нам предположить, что должно существовать сознание логоса ^[1] — сознание нашего солнечного логоса всецело вне каких-либо миров, планов или уровней, которые мы только можем себе представить. Мы можем только неопределённо думать о таком типе трансцендентального Сознания, для которого пространства более не существует, для которого всё (по меньшей мере в Солнечной Системе) присутствует одновременно, не только в текущем состоянии, но и во всех стадиях эволюции от начала до конца. Мы должны думать об этом божественном сознании как о создающем для своего пользования эти миры различных типов материи, а затем — о том, что оно по своей воле облакает себя этой материей, при этом сильно ограничивая себя. Принимая на себя покрытие из материи даже высшего из этих миров, оно явно налагает на себя определённое ограничение; и почти так же ясно, что любое дополнительное покрытие, вовлекающее его всё глубже и глубже в материю, должно это ограничение увеличить.

Один способ попытаться выразить это символически, который может нам помочь, связан с тем, что мы называем измерениями пространства. Если мы сможем представить бесконечное количество этих измерений, то можно предположить, что каждое опускание с высшего уровня на низший лишает нас сознания одного из этих измерений, пока, по достижении ментального плана или мира, у нас не останется способность наблюдать только пять из них. Нисхождение на астральный уровень отнимет ещё одно, а дальнейшее опускание на физический уровень оставит лишь три знакомые нам. С целью только получить представление о том, что значит потеря дополнительных измерений, мы должны представить жизнь существа, чьи чувства способны воспринимать только два измерения, и в каком отношении его сознание будет отличаться от нашего — тогда можно понять, что такое потеря одного измерения в нашем сознании. Такое усилие воображения быстро убедит нас, что двухмерное существо вообще никогда не сможет получить адекватного представления о нашей жизни, оно будет осознавать её по частям, и его представление даже об этих частях будет сплошным заблуждением. Это позволяет нам видеть, насколько неадекватным должно быть наше представление даже о плане или мире, непосредственно высшем, чем наш; и нам сразу же становится очевидна безнадёжность ожидания полного понимания монады, которая на много планов или миров выше той точки, с которой мы пытаемся её рассматривать.

Нам может помочь рассмотрение метода, которым логос первоначально построил эти планы. О его методе мы говорим со свей почтительностью, полностью сознавая, что можем

рассмотреть только незначительный фрагмент его работы, при том ещё, что нам этот фрагмент виден снизу, в то время, как он смотрит на него сверху. И всё же достаточно справедливо будет сказать, что он посылает от себя волну силы или влияния особого рода, которая формует существовавшую первобытную материю в определённые формы, которым мы дали название атомов.

В этот мир, план, или уровень, изготовленный таким образом, приходит вторая жизненная волна энергии логоса; для неё ранее созданные атомы являются объективно существующими вне её, и она строит из них формы, которые она населяет. Тем временем первая, направленная вниз, волна приходит снова, спускаясь через только что сформированный план или уровень, и делает уже другой, низший план, с атомами, несколько более крупными и плотными, но намного более тонкими, чем самая тонкая материя, о которой мы можем иметь представление. Тогда в этот второй мир приходит второе излияние и снова находит материю, являющуюся для него объективной, и снова строит из неё свои формы. И так процесс повторяется, и материя становится всё плотнее и плотнее с каждым миром, пока наконец мы не достигнем физического уровня. Эта идея поможет нам, если мы будем помнить, что на каждом из этих уровней одушевляющая жизнь второго излияния находит материю, из которой она строит свои формы, уже оживлённой первой.

Этот процесс одушевления форм, выстроенных из уже оживлённой материи, продолжается на протяжении минерального, растительного и животного царств, но когда мы подходим к моменту индивидуализации, которая отделяет высшее животное проявление от низшего человеческого, имеет место любопытное изменение: то, что до этого было одушевляющей жизнью, само становится объектом одушевления — оно строит форму, в которую входит «я», и становится зависимым от него. Это «я» поглощает в себя весь опыт, который имела материя каузального тела, так что при этом ничего не пропадает, и несёт его через века своего существования. Оно продолжает процесс формирования тел на более низких планах из материала, одушевлённого первой волной третьего аспекта логоса, но достигает наконец уровня эволюции, на котором каузальное тело — самое плотное из тех, что ему требуются; когда этот момент достигается, мы и наблюдаем монаду, которая представляет третье проявление первого аспекта логоса, находящееся в теле, состоящем из материи, одушевлённой его вторым проявлением.

На значительно более поздней стадии развития вышеописанный процесс повторяется ещё раз, и «я», которое одушевило столько форм в течение этого периода, становится само лишь проводником и одушевляется в свою очередь теперь полностью активной и пробуждённой монадой. И здесь, как и ранее, в «хозяйстве» природы вовсе ничего не теряется. Весь разнообразный опыт, накопленный «я», все блестящие качества, развитые им — всё это переходит в монаду и находит там гораздо более полную реализацию, чем могло дать «я».

Мы не можем иметь верного представления о состоянии сознания солнечного логоса вне планов его системы. О нём говорят, как о божественном огне — если принять это символическое обозначение, то можно представить, как искры этого огня падают в материю наших планов — это искры сущности этого огня, но они временно от него отделены. Аналогию тут нельзя проводить слишком далеко, поскольку обычные искры, будучи отделены от породившего их огня, постепенно затухают и гаснут, в то время как эти медленно эволюционируют в пламя и возвращаются к огню, от которого произошли. Это развитие и это возвращение, очевидно, и являются той целью, ради которой они вышли, а процесс развития и есть то самое, в чём мы пытаемся в настоящий момент разобраться.

Похоже, такая искра не может облачить себя более определённой степени — она не может спуститься ниже того, что мы называем вторым планом, сохранив при этом свою цельность.

Трудность, с которой мы сталкиваемся, заключается в том, что мы пытаемся составить своё представление о предмете, в то время как никто из исследователей не может поднять своё сознание до этого второго плана. В принятой сейчас терминологии мы называем его монадическим, поскольку он является домом для монады, но никто из нас ещё не может осознать эту монаду в её собственной обители — можно только видеть её в том состоянии, когда она спустилась на план или уровень, который ниже её собственного, где она проявляет себя как тройственный дух, который в наших ранних книгах назывался атмой в человеке. И даже тогда её природу затруднительно понять — имея три вполне определённых аспекта, которые кажутся различными, она в то же время в основе своей едина.

В других книгах было описано, что один из этих трёх аспектов (правильнее сказать, монада в её первом аспекте) не спускается или не может спуститься ниже своего духовного уровня; но в то же время в своём втором аспекте она может спуститься в материю следующего, низшего мира (мира интуиции),^[2] и когда этот аспект собирает вокруг себя материю этого уровня, то мы называем это божественной мудростью в человеке или интуицией. Тем временем третий аспект (или, скорее, монада в своём третьем аспекте) тоже спускается на этот план интуиции и облекает себя его материей, принимая форму, которой ещё не присвоено имя в нашей литературе, но он также движется вперёд и вниз ещё на один уровень, покрываясь материей высшего ментального мира — тогда мы называем это интеллектом человека. Когда это тройственное проявление на трёх уровнях развивается и являет себя, как дух, интуицию и интеллект, мы даём ему имя «я», и это «я» принимает на себя проводник, построенный из материи высшего ментального плана, называемый нами каузальным телом. Это «я», действующее таким образом в каузальном теле, в нашей ранней литературе называлось "высшим я" и иногда также душой.^[3]

Из этого видно, что «я» — это проявление монады на высшем ментальном плане, но мы должны понять, что оно бесконечно далеко от того, чтобы быть её совершенным проявлением. Каждое опускание с плана на план значит гораздо больше, чем просто сокрытие духа — это действительное уменьшение количества духа, который выражен. Конечно, использование слова «количество» при разговоре о таких материях вовсе неправильно и может только ввести в заблуждение, но при попытке выразить такие высокие понятия человеческим языком нельзя полностью избежать несоответствий — чтобы дать физическому мозгу наиболее близкое описание того, что происходит, когда монада вовлекает себя в материю духовного плана, лучше всего будет сказать, что только часть её может быть явлена в ней, и даже эта часть должна быть представлена в трёх отдельных аспектах вместо великолепной совокупности, которую она на самом деле представляет собой в своём мире. Так что когда второй аспект тройственного духа спускается на один уровень и проявляется как интуиция, он не целиком проявляется, но только частично. И когда третий аспект спускается двумя планами ниже и проявляет себя, как интеллект — это только часть части того, чем на самом деле является интеллект как аспект монады. Также и «я» — не скрытое проявление монады, но скрытое представление незначительной её части.

Как наверху, так и внизу. Чем является «я» для монады, тем и личность является для «я». Так что когда дело доходит до личности, с которой нам приходится иметь дело в физическом мире, дробление заходит столь далеко, что часть, которую мы можем видеть, неизмеримо меньше той реальности, которую она так неадекватно представляет. И при помощи этого смехотворно малого фрагмента мы пытаемся понять целое! Трудности, встречаемые нами при попытке понять монаду, имеют ту же природу, как и те, с которыми мы сталкиваемся, когда пытаемся схватить идею «я», но они гораздо больше. В ранние годы существования Теософического Общества было много дискуссий об отношении низшего и высшего «я». В те

дни мы не понимали учение даже так, как сейчас — у нас не было того понимания, которое дало нам длительное изучение. Я говорю о группе изучающих в Европе, имевших за собой христианские традиции и неопределённые идеи, связываемые христианством со словом «душа».

Рядовой христианин вовсе не отождествляет себя со своей душой, а считает её чем-то привязанным к нему неопределённым способом — будто это нечто такое, что он должен спасти. Похоже, никто из рядовых последователей этой религии не имеет ясного представления о смысле этого слова, но может назвать это своей бессмертной частью, хотя в обычном разговоре он говорит о ней как о чём-то, чем он владеет, отдельном от него. В Евангелии Богородица говорит: "Величит душа моя Господа; и возрадовался дух мой о Боге, спасителе моём". Возможно, она, как и св. Павел, проводит здесь различие между душой и духом, но она говорит об их обоих, как о своих принадлежностях, а не как о себе. Она не говорит: "Я, как душа, возвеличиваю; я, как дух, радуюсь". Это может быть просто языковым вопросом — и всё же этот бедный язык передаёт неточную идею и неверное определение. Эта идея всегда носилась в воздухе в Европе, и без сомнения мы испытали на себе её влияние и на первых порах заменяли «душу» термином "высшее я".

Поэтому мы использовали такие выражения, как "глядя вверх на высшее я", "слушая наушения высшего я" и так далее. Я помню, что мистер Синнетт иногда говорил о высшем «я» в несколько пренебрежительном тоне, замечая, что ему следовало бы проявлять больше внимания, чем можно заметить, к несчастной личности, которая внизу борется в его интересах, и шутливо предлагал организовать общество для просвещения наших высших «я». И только постепенно мы пришли к пониманию, что высшее «я» — это и есть человек, а то, что мы видим здесь внизу, есть только малая часть его. Только мало-помалу мы поняли, что есть лишь одно сознание, и что низшее, хотя и является несовершенным выражением высшего, никоим образом не отделено от него. Мы обычно думали о поднятии «себя» до тех пор, пока не сможем объединить себя с той славной высшей сущностью, не осознавая, что это высшее и есть наше истинное «я», и что объединить высшее с низшим на самом деле значит открыть низшее так, чтобы в нём и через него могло действовать высшее.

Чтобы основательно проникнуться теософическими идеями, требуется время. Не просто обычное чтение книг и даже не усердное их изучение делают нас настоящими теософами — нужно время, чтобы учение стало частью нас. Можно заметить это на примере новых членов. Люди присоединяются к нам — люди пронизательного ума и глубочайшей веры, действительно желающие сделать всё возможное для теософии и впитать её настолько быстро и полно, насколько это возможно; и при всём рвении, с которым они изучают наши книги, они не могут сразу же оказаться в таком же положении, как более старые члены общества, и будут время от времени показывать это, допуская некоторые незрелые замечания, вовсе не гармонирующие с теософическим учением. Я вовсе не полагаю, что обычное течение времени может произвести соответствующий эффект — очевидно, что если человек, который не учится, будет членом в течение двадцати лет, то по прошествии этого времени он лишь немного продвинется, но тот, кто терпеливо изучает и долгое время живёт со знающими людьми, входит вскоре в дух теософии, или лучше сказать — дух теософии входит в него.

Потому очевидно, что новые члены не должны останавливаться в своей учёбе, но напротив, им следует постараться понять учения с разных точек зрения. Год за годом все мы движемся к тому, чтобы наше отношение ко всему приближалось к подходу тех, кто старше нас, как ученики, и достигается это в основном через общение и разговоры с ними. Учителя знают почти бесконечно больше, чем высшие из их учеников, и эти лучшие также продолжают изучение в их обществе; мы же, низшие ученики, знаем куда меньше, чем стоящие выше нас, и в свою очередь учимся у них; и таким же образом те, кто не достиг даже нашего уровня, могут научиться кое-

чему в сотрудничестве с нами. Таким образом более старые члены всегда могут помогать новым, и этим последним предстоит многому научиться от тех, кто уже прошёл лежащую перед ними дорогу. Именно таким постепенным способом мы и пришли к пониманию высшего и низшего «я».

Если мы попытаемся выразить отношение личности к «я», то лучше всего будет сделать это, сказав, что первое — фрагмент последнего, крохотная часть его, выражающего себя со значительными трудностями. Мы встречаем человека на физическом плане, говорим с ним — и думаем, и говорим, что знаем его. Было бы немного ближе к истине, если бы мы сказали, что знаем тысячную часть его. Даже если развито ясновидение, причём развито на уровне каузального тела, и человек смотрит на каузальное тело другого — даже тогда, хотя он видит проявление «я» на его собственном плане, он всё ещё далёк от того, чтобы видеть настоящего человека. Я пытался при помощи иллюстраций в "Человеке, видимом и невидимом" дать некоторое одностороннее отображение одного из аспектов этих высших проводников, но эти иллюстрации на самом деле абсолютно неадекватны — они могут дать только тусклый набросок настоящего предмета. Когда кто-либо из наших читателей разовьёт астральное зрение, он может вполне резонно заметить нам, подобно царице Савской, сказавшей царю Соломону: "Вот, мне и вполнину не сказано", добавив: "вся эта слава и красота, окружающая меня во всех направлениях, представляется вполне естественной, и должно быть легко было дать лучшее описание." Но когда, увидев и пережив всё это, он возвратится в своё физическое тело и попытается описать это в физических словах, то думаю, что он встретит те же трудности, с которыми сталкивались и мы.

Тем не менее, помните, что даже когда, используя зрение каузального тела, человек смотрит на каузальное тело другого, он видит вовсе не «я», а всего лишь материю высших подразделений ментального плана, которая выражает качества «я». Эти качества действуют на материю, заставляют её колебаться с разными частотами, производя таким образом цвета, наблюдая за которыми, можно определить характер человека. На этом уровне характер — это совокупность хороших качеств, развитых человеком, поскольку никакие злые свойства не могут выразить себя в столь утончённой материи. Из наблюдения каузального тела нам известно, что в нём есть все качества логоса, а потому — все хорошие качества, но не все они развиты, пока человек не достигает очень высокого уровня. Когда плохая черта характера проявляет себя в личности, это должно указывать на то, что противоположное ей хорошее качество ещё не развито в «я»; оно существует в нём, так же как и в каждом, но ещё не вызвано к действию. Как только оно активизировано, его интенсивные вибрации действуют на низшие тела, и уже невозможно, чтобы противоположное зло могло снова найти в них себе место.

Если мы на время примем, что «я» — это истинный человек, и посмотрим на него на его собственном плане, то увидим, что это существо действительно великолепное — здесь, внизу, мы сможем составить о нём представление, лишь думая о нём, как о каком-то сияющем ангеле. Но выражение такого прекрасного существа на физическом плане может быть далеко от этого — так и должно быть, поскольку, во-первых, это всего лишь крошечная частица, и во-вторых, потому что она безнадежно стиснута условиями своего существования. Представьте человека, засунувшего палец в дырку в стене, или в железную трубку, так, что он не может даже его согнуть — как много себя, как целого, он сможет выразить посредством этого пальца в таких условиях? Очень похожа на это участь той части «я», которая спущена в плотное тело. Это настолько малая часть, что она не может представлять целое; она настолько стиснута и заперта, что не может даже выразить, что она собой представляет. Это несколько неуклюжий образ, но он может дать некоторое представление об отношении личности к «я».

Давайте теперь представим, что палец обладает некоторым собственным сознанием, и

будучи отделён от тела, на время забывает, что является его частью. Тогда он забывает и свободу более широкой жизни и пытается приспособиться к своей дыре — покрывать её стены позолотой и делать её приятной дырой, добывая деньги, собственность и т. п., не осознавая, что он начинает жить, только когда полностью выводит себя из этой дыры и признаёт себя частью тела. Когда мы выводим себя ночью из этой самой дыры и живём в наших астральных телах, мы куда менее ограничены и гораздо ближе к своему истинному «я», хотя всё ещё имеем две оболочки — наши астральные и ментальные тела — которые не дают нам быть полностью самими собой и самовыражаться во всей полноте. Но всё же, в этих условиях мы значительно свободнее и нам намного легче познавать реальность, поскольку физическое тело — наиболее мешающее и стесняющее из всех и налагает на нас самые большие ограничения.

Нам помогло бы рассмотрение каждого из ограничений в отдельности, хотя это нелегко. Осознайте, как быстро в астральном теле мы можем двигаться сквозь пространство — не мгновенно, но всё же быстро, ведь в две или три минуты мы могли бы совершить кругосветное путешествие. Но даже тогда мы не сможем попасть куда-либо, не проходя через пространство, отделяющее нас от этого места. Мы можем на этом уровне входить в контакт с другими людьми, которые находятся в своих астральных телах. Все их чувства лежат открытыми перед нами, так что они не могут утаить их от нас, однако они могут сделать это в отношении своих мыслей. Мы встречаем в этом мире гораздо больше обитателей Земли — тех, кого мы называем мёртвыми, высших природных духов, ангелов желаний и многих других. Зрение на этом плане позволяет нам заглянуть внутрь любого предмета и посмотреть в земные недра; так что тут наше сознание расширяется во многих отношениях.

Теперь продвинемся на шаг дальше. Научившись пользоваться возможностями ментального тела, мы от этого вовсе не потеряем способности низших тел, поскольку высшие включают их в себя. Мы сможем тогда перемещаться из одного места в другое со скоростью мысли, видеть мысли своих товарищей, так что обман уже будет невозможен; мы сможем видеть ангелов высших порядков, а также огромное множество тех, кто окончив астральную жизнь, населяет небесный мир. Поднявшись ещё на шаг и применив чувства каузального тела, мы обнаружим дальнейшие чудеса, ждущие нашего исследования. Если мы посмотрим на своего товарища, то его тело, которое мы увидим внутри яйцеобразной формы, более не будет похоже на его теперешнее или последнее физическое тело, как это имеет место на астральном и ментальном планах. То что мы видим теперь — это аутоэйд, прославленный человек, он является не образом какого-либо из своих прежних физических тел, а содержит в себе суть всего, что было лучшего в каждом из них — тело, которое более или менее совершенно показывает, каким должен быть человек по замыслу логоса. Наблюдая этот проводник, мы можем видеть стадию эволюции, которой достиг человек, увидеть его историю, и в некоторой мере также наблюдать будущее, его ожидающее.

Учащиеся иногда удивляются — если это так, то как же плохие качества, проявляемые человеком в одной жизни, столь часто сохраняются и в последующих? Дело тут не только в том, что противоположное хорошее качество неразвито и для плохих влияний существует возможность действовать на человека в данном конкретном направлении, но также и в том, что человек несёт с собой из жизни в жизнь постоянные атомы своих низших тел, а они стремятся воспроизвести качества, проявленные в его предыдущих воплощениях. Тут могут спросить: "Почему надо нести эти постоянные атомы?" Потому что это необходимо для эволюции; потому что развитый человек должен быть господином всех планов. Если бы было мыслимо, что он может развиваться без этих постоянных атомов, он бы, возможно, стал великолепным архангелом на высших планах, но был бы абсолютно бесполезен в этих низших мирах, поскольку он отрезал бы от себя силу мысли и чувства. Так что мы должны не терять постоянные атомы, а

очищать их.

Задача, стоящая сейчас перед большинством из нас, заключается в осознании «я», как истинного человека. Ему мы должны позволить действовать, а не этой ложной личности, с которой мы себя обычно отождествляем. Нам так легко чувствовать: "Я зол; я ревную", в то время как на самом деле то, что толкает нас к злости или ревности — всего лишь чувственный элементал, который тоскует по сильным и грубым возмущениям, которые помогают ему продвигаться по пути нисхождения в более плотную материю. Мы должны осознать, что истинный человек никогда не может быть столь глуп, чтобы желать такого рода вибраций, поскольку он никогда не может желать ничего, кроме того, что будет хорошо для его эволюции или поможет эволюции других. Вот человек говорит, что возбуждён страстью. Пусть он обождёт и подумает: "Это в самом деле я?" И он обнаружит, что это вовсе не он, а нечто другое, что пытается захватить контроль над ним и заставить его это переживать. У него есть право и обязанность отстоять свою независимость от этой вещи и провозгласить себя свободным человеком, продолжая путь эволюции, который наметил для него Бог.

Таким образом, наше дело сейчас — осознать себя как «я», но когда это будет в полной мере достигнуто, и низшее станет ни чем иным, как совершенным инструментом в руках высшего, нашим долгом будет осознать, что даже «я» ещё не является истинным человеком. Ведь «я» имело начало — оно существует с момента индивидуализации; а что имеет начало, должно иметь и конец. Поэтому даже «я», существующее с тех пор, как мы покинули животное царство, также непостоянно. Тогда, что ли, в нас нет ничего, что продолжает существование и не имеет конца? Есть монада, искра божия, которая воистину является частью Бога, атомом логоса. Это грубые и неточные выражения, несомненно, но в данное время я не знаю другого способа передать эту идею, кроме как такими словами. Ведь каждая монада — это буквально часть Бога, с виду временно отделённая от него, пока она заключена в оболочках материи, хотя на самом деле даже на мгновение никогда от него не отделявшаяся.

Она не может быть отделена от Бога, поскольку сама материя, которой она покрывает себя, есть также проявление божественного. Иногда материя нам кажется злом, потому что она тянет нас вниз, связывает наши способности — кажется, что она тормозит нас на нашем пути, но следует помнить, что это лишь потому, что мы ещё не научились управлять ею, не осознали, что она тоже в своей сути божественна, поскольку нет ничего, кроме Бога. Один суфийский мудрец сказал мне однажды, что такова его интерпретация ежедневного крика муэдзина, который звучит с минаретов по всему исламскому миру: "Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его". Он сказал мне, что по его мнению, истинный мистический смысл первой части этой формулы был "Нет ничего, кроме Бога". И это вечная истина — мы знаем, что всё исходит от него, и что к нему в один прекрасный день всё вернётся, но находим затруднительным осознать, что всё находится в нём прямо сейчас, и что это в нём вечно пребывает. Всё есть Бог — даже элементал желания и те вещи, которые мы считаем злыми; ведь от него исходят многие волны жизни, и не все они движутся в одинаковом направлении.

Мы, будучи монадами и принадлежа к ранней волне, являемся в некоторой мере более полными его выражениями, и несколько ближе к нему по сознанию, чем сущность, из которой сделан чувственный элементал. В ходе нашей эволюции всегда есть опасность, что человек будет отождествлять себя с точкой, в которой он наиболее полной мере сознателен. Большинство людей сейчас более сознательны в своих чувствах и страстях, чем где-либо ещё, и из этого элементал желания ловко извлекает выгоду и старается побудить человека отождествлять себя с этими желаниями и эмоциями.

Когда же человек поднимается на несколько более высокий уровень, и его основной деятельностью становится умственная, здесь остаётся опасность отождествления себя со своим

умом; и только осознав себя, как «я» и сделав это самым сильным пунктом сосредоточения своего сознания, он сможет полностью с ним отождествиться. Когда он делает это, он достигает цели своих нынешних усилий, но он должен незамедлительно возобновить свои усилия на высшем уровне и попытаться постепенно осознать истинность того положения, которое мы изложили вначале — как личность относится к «я», так и «я» к монаде. Бесплезно на нашем этапе пытаться обозначить шаги, которые он должен будет предпринять с целью сделать это, или стадии сознания, через которые он пройдёт. О них можно составить некоторое понятие, применяя древнее правило, говорящее, что то, что внизу — всего лишь отражение того, что существует в высших мирах; так что шаги и этапы должны быть в некоторой мере повторением на высшем уровне тех усилий, которые были уже предприняты нами на более низком уровне.

Мы можем лишь почтительно предположить (хотя здесь мы выходим далеко за пределы достоверного знания), что когда мы окончательно и полностью осознаем, что монада — это и есть истинный человек, за этим мы снова найдём дальнейшее, более полное и блистательное расширение — мы обнаружим, что искра никогда не была отделена от огня, но как «я» стоит за личностью, как монада стоит за «я», так и сам солнечный логос стоит за монадой. Возможно, так же обстоит и на ещё более высоком уровне, и ещё более непознаваемый, высший логос стоит за солнечным, а за ним, ещё через несколько ступеней, должен покоиться над всеми самый высший. Но тут уже даже мысль изменяет нам, посему по-настоящему почтительным здесь будет только молчание.

Но по меньшей мере на время монада является нашим личным богом, богом внутри нас, который создаёт нас здесь внизу как своё проявление на всех этих бесконечно более низких уровнях. Что у неё за сознание на её собственном плане, мы не берёмся сказать, и не сможем вполне понять его, даже когда она набрасывает на себя первую завесу и становится тройственным духом. Единственный способ понять такие вещи — это подняться на их уровень и стать единым с ними. Сделав это, мы станем их понимать, но даже тогда нам никак не удастся объяснить то, что мы знаем, кому-нибудь другому. Именно на этой стадии, стадии тройственного духа, мы впервые сможем увидеть монаду, и тогда она предстанет как тройной свет ослепляющего великолепия, даже на этом этапе всё же обладающий некоторыми качествами, по которым одна монада чем-то отличается от другой.

Часто изучающий спрашивает: "Но что же нам делать с этим, когда мы здесь, внизу — с этим неизвестным великолепием, которое так далеко над нами?" Это естественный вопрос, но на самом деле он противоположен тому, который должен быть задан; поскольку истинный человек — это монада, то скорее следовало спросить "Что могу сделать я, монада, с моим «я», а через него — со своей личностью?" Это будет верным отношением, поскольку это выразит действительность, но мы не можем искренне принять это, поскольку не можем этого осознать. Всё же мы можем сказать себе: "Я знаю, что я — монада, хотя сейчас и не могу это выразить; я знаю, что я — высшее я, всего лишь часть этой монады, но всё же неизмеримо б`ольшая, чем то, что я знаю о себе, как о личности здесь. Всё больше и больше буду я стараться осознать себя этой высшей и большей сущностью; больше и больше я буду пытаться сделать это низшее представление себя достойным своего истинного назначения; больше и больше я буду заботиться, чтобы это моё низшее я было готово схватить малейший намёк или шёпот сверху, чтобы следовать предложениям «я», которые мы называем интуицией, чтобы различить Голос Безмолвия и повиноваться ему".

Ведь Голос Безмолвия всегда не один и тот же, он изменяется по мере того, как мы сами эволюционируем; или скорее лучше будет сказать, что на самом деле он всегда один — голос Бога, но приходит он к нам на разных уровнях по мере нашего подъёма. Сейчас для нас это — голос «я», обращённый к личности, потом он будет голосом монады, обращённым к «я», а

позднее — голос логоса, говорящий монаде. Возможно, что между этими двумя последними этапами может быть промежуточный, на котором голос одного из семи великих "министров" ^[4] логоса может говорить монаде, а сам логос — своему «министру»; но всегда Голос Безмолвия по сути своей божественен.

Полезно, чтобы мы научились различать этот голос — голос, который говорит сверху, и в то же время изнутри; ведь иногда говорят и другие голоса, и их советы не всегда мудры. Медиум сталкивается с этим — ведь если он не натренировался различать, то часто думает, что каждый голос, приходящий с астрального плана, должен быть обязательно божественным, и ему надо следовать без колебаний. Поэтому способность различать так же необходима, как бдительность и послушание.

Совершает ли монада, в случае обычного человека, что-либо, что действует или может действовать на его личность? Я думаю, мы можем сказать, что такое вмешательство необычно. «Я» пытается, в интересах монады, достичь полного контроля над личностью и использовать её как инструмент, и поскольку это ещё не полностью достигнуто, то монада чувствует, что время ещё ей вмешиваться со своего собственного уровня и задействовать всю свою силу, поскольку та, что уже в действии, более чем достаточна для достижения требуемой цели. Но когда «я» начинает преуспевать в своих попытках управлять низшими телами, истинный человек иногда вмешивается, оставаясь на заднем плане.

В ходе различных исследований нам пришлось изучить несколько тысяч человеческих существ, но мы нашли следы такого влияния лишь в немногих. Наиболее яркий пример этого приводится в двадцать девятой жизни Алкиона, когда он принёс перед Господом Гаутамой обет посвятить себя в будущих жизнях достижению степени будды, чтобы помочь человечеству. Это показалось нам столь важным и интересным, что мы решили провести исследование. Это было обещание на отдалённое будущее, так что очевидно, что личность, через которую оно было дано, никак не могла сдержать его; и когда мы поднялись проверить, какую роль в этом играло «я», то обнаружили, что само оно, хотя и относилось к этой идее с энтузиазмом, было побуждено к этому более могучей силой изнутри, которой оно не могло сопротивляться, даже если бы и захотело. Следуя далее по этой нити, мы обнаружили, что побуждающая сила пришла несомненно от монады. Она решила и огласила своё решение, и её воле, действуя через «я», будет нетрудно привести в гармонию и все последующие личности.

Мы нашли и некоторые другие примеры того же явления в ходе исследований начала шестой коренной расы. Заглядывая вперёд в жизнь Калифорнийской Колонии, мы сразу же узнали некоторые хорошо знакомые «я» и тогда поставили вопрос: "раз у людей есть свободная воля, можем ли мы быть абсолютно уверены в том, что все эти люди будут там, как мы предвидим? Неужто никто из них не упадёт по пути?" Дальнейшее исследование показало нам, что здесь имело место то же самое, что и с Алкионом. Определённые монады уже ответили на зов высших властей и решили, что представляющие их личности должны помогать этой достойной работе; и поэтому, ничто, что эти личности могут совершить за это время, не помешает выполнению этого решения.

Но хотя это так, вовсе не следует думать, что вас извне побуждают сделать это или то — побуждающая сила — это вы сами, ваше истинное я. На любой стадии роста никто кроме вас самих не может связывать вас. И раз монада решила, дело будет сделано; для личности будет полезным, если она уступает этому охотно и с благодарностью, если различает голос свыше и сотрудничает с радостью; если же она не сделает этого, то создаст для себя бесполезные страдания. Совершает это всегда сам человек, и он, в своей личности, должен осознать, что «я» — это он сам, и на время принять, что монада — это в ещё большей степени он сам — окончательное и величайшее его выражение.

Несомненно, такая позиция должна быть величайшим ободрением из возможных для человека, работающего здесь, внизу; это знание о том, что он на самом деле — существо гораздо более великое и прекрасное, чем ему кажется, и что есть часть его, причём гораздо б`ольшая, которая уже достигла того, что он, как личность, ещё пытается достичь; и что всё, что он должен делать здесь — это стараться сделать себя совершенным каналом для действия высшего и истинного «себя»; делать свою работу и попытаться помочь остальным, поскольку он может быть фактором, пусть и микроскопическим, в продвижении эволюции мира. Для того, кто знает, нет вопроса о спасении души; истинный человек, который стоит за ним, не нуждается в спасении — ему нужно только, чтобы низшая личность могла осознать и выразить его. Сам он уже божественен, и всё, что ему нужно — это осознать себя во всех мирах и на всех возможных уровнях, чтобы во всех них божественная сила через него могла работать в равной мере, и так Бог будет всем во всём.

Перевод К. Z.

notes

В оригинале Deity, т. е. «божество», но поскольку в русском языке это слово имеет несколько «уничижительный» характер, мы используем слово «логос», широко использующееся в том же смысле в теософической литературе — прим. пер.

План Буддхи — прим. пер.

Термин *ego*, применяемый Ледбитером, малоупотребителен в современной теософической литературе, поскольку современная психология придаёт этому слову совсем другое значение. Потому во избежание путаницы используется термин «душа», как в книгах Алисы Бэйли, «я» или "высшее я". — прим. пер.

Министры — для русского языка слово не вполне удачное, иначе они называются "духами перед престолом". — прим. пер.